

ЖАНРОЛОГИЯ / GENRE STUDIES

С.В. Жилияков
S.V. Zhilyakov

ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО ЖАНРОВОГО ВОПЛОЩЕНИЯ МНЕМОНИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Е.И. НАЗАРОВА⁶

TRADITION AND INNOVATION OF GENRE EMBODIMENT OF MNEMONIC POETRY IN THE WORKS OF E.I. NAZAROV

В предлагаемой статье исследуются особенности жанрового воплощения мнемонической поэзии в творчестве елецкого поэта Е.И. Назарова, обусловленные сочетанием в ней традиционных и новаторских черт. В общем мнемонические жанры в лирике поэта остаются традиционными в плане выполнения тематического задания, поскольку в них «готовое» слово, наследованное от предшествующих периодов классической литературы, выполняет прежние функции в рамках устоявшихся пафоса, стиля, придающих произведению узнаваемый реципиентом образ. И в этом смысле тематико-композиционный каркас произведения продолжает нарастать присущими жанру атрибутами, даже если они принимают индивидуально-стилистический вид, обусловленный обстановкой и окружающим миром автора. Однако, несмотря на следование установившимся и отретированным классической традицией формам лирики, в жанрах поэтического «памятника», стихотворного «воспоминания», стихотворения «Памяти...» намечается явная тенденция к циклизации, без характерной для нее композиционной обособленности. Эта специфическая и в то же время новаторская черта мнемонической поэзии Назарова дополняется еще одной, определяющей его идиостиль. Так, потрясающая творческая интуиция наряду с глубоким знанием культуры прошлого позволяет лирику складывать известные мотивы и образы в сверхтекстовое образование, где каждое из произведений, фактически представляющее собой отдельное и в то же время самостоятельное звено, объединяется в интертекстуальную цепь, организованную сквозным мнемоническим замыслом. Наличие данных новаторских черт, возникших на основе следования каноничным жанровым образцам, свидетельствует о переходном характере творчества Назарова, которое можно отнести к поэзии «безвременья», эпохе, подготавливающей сложную и неоднородную систему лирики XX века, местами еще опирающейся на великое наследие, но уже с иной целью – переосмысления ее форм и идей. Так, традиция и новаторство жанрового воплощения мнемонической поэзии

⁶ Статья использует материал авторского доклада, прочитанного на Международной научно-практической конференции «Бунинская Россия» в контексте современных гуманитарных исследований» (Елец, 23–24 октября 2025 года).

становятся определяющими для места творчества Е.И. Назарова в литературном процессе.

Ключевые слова: Е.И. Назаров, жанр, стихотворение, память, тема, мотив, цикл.

This article examines the genre-specific embodiment of mnemonic poetry in the works of Yelets poet E.I. Nazarov, shaped by its combination of traditional and innovative features. Overall, mnemonic genres in the poet's lyric poetry remain traditional in their thematic execution, as the "ready-made" word, inherited from previous periods of classical literature, performs its original functions within the established framework of pathos and style, giving the work a recognizable image. In this sense, the thematic and compositional framework of the work continues to develop with attributes inherent to the genre, even if they take on an individual stylistic form conditioned by the author's setting and surrounding world. However, despite adhering to established and rehearsed lyrical forms of the classical tradition, the genres of the poetic "monument," the poetic "memory," and the poem "In Memory..." exhibit a clear tendency toward cyclization, without the compositional isolation characteristic of these genres. This specific and at the same time innovative feature of Nazarov's mnemonic poetry is complemented by another, defining his idiosyncrasy. Thus, a stunning creative intuition, coupled with a profound knowledge of past culture, allows the lyricist to combine familiar motifs and images into a supra-textual formation, where each work, effectively a separate and yet independent link, is united into an intertextual chain organized by a consistent mnemonic concept. The presence of these innovative features, which arose from adherence to canonical genre models, testifies to the transitional nature of Nazarov's work, which can be classified as a "timeless" poetry, an era that paved the way for the complex and heterogeneous system of 20th-century lyric poetry, sometimes still drawing on this great legacy, but with a different purpose – a rethinking of its forms and ideas. Thus, the tradition and innovation of the genre's embodiment of mnemonic poetry become defining factors in the place of E.I. Nazarov's work in the literary process.

Key words: E.I. Nazarov, genre, poem, memory, theme, motive, cycle.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-67-4-56-63

Поэзия в стиховой форме производит концептуальное видение мира, которое неразрывно связано с настроением, складом внутреннего мира автора. Образы и идеи, отлитые в ритм, интонацию, мелодику и композицию, являют собой органическую часть поэтического мировоззрения. Оно своеобразно и в отличие от прозы обладает способностью при помощи какой-то внутренней энергии в большей степени соотносываться с бытием посредством созвучия смысловых акцентов, согласовываться... А если принять к сведению то, что лирический род представляет собой «искусство двигательное, – не созерцательное, а действенное, – и, в конечном счете, не иконотворчество, а житнетворчество» [6, т. 2, 600], то авторское (в данном случае лирическое) сознание «я», которое можно определить как «субстанциальный деятель» [8, 325], способно в самом наличном (автологическом) смысле этого понимания к миропреображению, используя только собственные имманентные ресурсы. Одним из таких автономных ресурсов является память.

Она, преодолевая свое опосредованно инструментальное предназначение в узком понимании, представляет, в самом широком аспекте видения, сущностную потребность человека и, согласно Н.А. Бердяеву, являет собой «первичный факт личности», с которым «связано единство "я"», соотносимое с самосознанием настолько, что вбирает весь мир и всю историю «во внутреннее существование моего "я"» [2, 97]. Фактически память, как справедливо подмечает философ, составляет онтологическую основу творения

личности, а значит совершенным образом участвует и в поэтическом мировоззрении. В нем она выполняет различные функции – от инструментально-операционной (автологическая) до структурно-текстовой (уровень мотива) и жанросозидающей (память как способ лирического миропреображения). Выявление функциональной значимости памяти, особенно в жанровом воплощении, выполняющей третью из указанных ее ролей, позволит существенно расширить и дополнить понимание художественного мира того или иного автора, шире и проникновеннее увидеть уникальные черты его поэтологии.

Евгений Иванович Назаров (1848–1900), елецкий поэт-самоучка XIX века, широко использует жанровый функционал памяти. Его «Воспоминание» проникнуто образами тяжелого крестьянского детства, проводимого в нужде, а потому изображено в черных тонах: «Нужду и голодь понялъ я / Едва-ль не съ колыбели; / Не страшны были для меня / Свирѣпая метели» [9, 3]. Характерно, что в первой строфе помещены образы «глуши степной» и «простой и душевной хаты» – типичные локации (экстерьерный и интерьерный хронотопы), составляющие матричный (структурный) набор признаков жанра: «Родился я въ глуши степной: / Въ простой и душевной хатѣ...» [9, 3]. Художественный мир стихотворного «воспоминания», в котором переплетаются реалии жизненного пространства и возникшая в восприятии прошлого лирическим «я» литературная образность (согласно В.В. Фёдорову, «... "жизненный" и "литературный" – это два относительно самостоятельных плана художественного целого» [13, 368]), продолжает как будто *дооформляться* другим близко находящимся произведением – «Въ углу холодного чулана...» с помощью системы «ассоциативных связей, направленных на формирование образной структуры произведения» [15, 11]. Образ хаты, «простой и душевной», «Воспоминания» здесь претворен метонимией – *чуланом*: «Въ углу холодного чулана» [9, 4]. Эти топоры, как оказывается, составляют «эпицентр» мнемонической рефлексии, руководят настроением и эмоциональной интенцией лирического «я». Уже на первичном – конвенциональном – уровне восприятия произведения возникает аллюзивное сходство, во-первых, по способу художественно-методического воплощения (реализм) деталей и предметов вещного мира, во-вторых, в аспекте сочетания темы детства и воспоминания (контаминация жанров «воспоминания» и «о детстве героя») с поэзией представителей «крестьянского» направления – И. Суриковым ⁷ («Детство»: «Избу освещает / Огонек светца...») [11, т. 2, 541], И. Никитиным («Воспоминание о детстве»: «Однообразно и печально / Шли годы детства моего...» [10, 55]). И вследствие вышесказанного, особенно в связи с «организацией ассоциативного фона» – одного из носителей жанра, согласно Н.Л. Лейдерману [7, 143], можно сделать следующий предварительный вывод. Возникающий на уровне взаимодействия между жанрами он, ассоциативный фон, участвует в создании жанровой типологии, объединяющей в диахроническом аспекте произведения разных поэтов, а являющийся общим для близкорасположенных жанров внутри творения одного автора, как в данном случае, книги стихотворений, он еще своим присутствием дополнительно сигнализирует о формировании иного явления – жанрового ряда. Именно поэтому во втором случае можно говорить о том, что вопреки замыслам поэта, объединение жанров в сознании реципиента представляет своего рода подобие цикла «Воспоминаний», хотя и без привычного соответствующего композиционного оформления.

Следующая пара стихотворений, сопряженная единой тематической интенцией, но не конституированная общим заголовком, характерным для циклической лирической структуры, представлена элегиями «Лѣтній вечеръ» и «"Ничто не ново подь луною"». Объединяющим компонентом, помимо темы, для данных произведений становится ветхозаветный лейтмотив из «Книги Екклесиаста» – «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл 1:9), который в переработанном виде, будучи заимствованным из стихотворения Н.М. Карамзина

⁷ В частности, есть прямое указание в критической литературе на то, что Назаров – «участник суриковского кружка поэтов-самоучек» [1, 296].

«Опытная Соломонова мудрость, или Выбранные мысли из Екклесиаста» (1797), использован в виде точной цитаты в номинации второго произведения. Таким образом, для жанрового воплощения здесь применяется цепочка мнемонических средств, начинающаяся ветхозаветным источником, продолжающаяся его стихотворным переложением, оканчивающаяся воплощением в элегический диптих. В элегии «Лѣтній вечеръ» сквозной екклесиастский, в том числе карамзинский, мотив воплощен в следующих строках:

Тѣ звѣзды – все свидѣтели живые
Всего, что было подь луной⁸;
Чего, чего, во дни былые.
Они не зрѣли подь собой [9, 6]

и далее:

И только вы, свѣтила ночи
Остались тѣ-жъ, что были встарь [9, 7].

«"Ничто не ново подь луною"» завершается акцентированием на нем:

Словомъ **все**, что только видимъ,
Чѣмъ одержимъ человѣкъ.
Что мы любимъ, ненавидимъ.
Неизмѣнно будетъ въ вѣкъ [9, 8].

Такая разножанровая констелляция произведений, следующих друг за другом, без надлежащего титульного обозначения этого объединения, может свидетельствовать о наличии в лирике Назарова – если смотреть поверх цикла жанров – части сверхтекстового образования, организованной по принципу смежности и однородности композиционно-тематических компонентов, объединенных в одно художественное целое, открытое с двух сторон – ретроспективной и проспективной – для хронологического взаимодействия. Подобно сверхтекстовому образованию (производящей основой его является цикл), которое «начинается с "сильного" в энергетическом плане текста-прецедента, обладающего огромным заразительным воздействием» [5, 17], в указанных стихотворениях Назарова прослеживается апелляция к первоисточнику – «Книги Екклесиаста».

В продолжении данной мысли стоит отметить, что, помимо обозначенных стихотворных текстов, входящих в состав «екклесиастовского» сверхтекстового образования, Назаровым используется реминисценция из «последнего стихотворения» Г.Р. Державина «Река времен в своем стремлении...» («И топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей...»), также относящемуся к интертекстуальному наследию ветхозаветного произведения [4]:

Мелькнуло все предъ ихъ очами;
Какъ мигъ одинъ вѣка прошли,
Стирались царства съ ихъ царями,
Народы цѣлые ушли [9, 7].

Новизна формально-структурной организации произведений в сверхтекстовое, а значит и сверхжанровое, состояние, являющееся значительно расширенным циклоподобным образованием, дополняется и значительно усиливается содержательной

⁸ Здесь и далее в стихотворных текстах курсив наш. – С.Ж.

стороной этого феномена. Она выказывает себя нарочитой итерацией основного лейтмотива, раскрывающего в режиме регулярного повторения идейно-содержательный компонент (концепт тождества человеческого бытия, репрезентированного в разных временных моментах), что показательно и способствует трансформации мнемонического модуса произведения в поминальный.

Присутствует в творчестве Назарова другой известный жанр – стихотворный «памятник», посвященный Минину и Пожарскому. Его атрибуты, как и в «воспоминании», традиционны. Начиная с номинатива «Монументъ», аллюзивно отсылающего к истокам жанра – «Eхegi monumentum» Горация, стихотворение всецело обусловлено идеей вековой славы и памяти, которые, хотя и *не* подвержены физическому старению и способны противостоять природным стихиям (формальный и в то же время экспрессивно-стилистический показатель этого – отрицательная анафорическая частица – приставка *не*), но все же *не* вселенско-космическим (эсхатологическим) силам (в римском первоисточнике эта корреляция соблюдена):

И пока надъ землею *не* разстелется тьма.
Не поникнуть небесные своды.
Незабвенное имя говядарь Кузьма
Неизгладится въ русскомъ народѣ [9, 49].

Однако стоит отметить, что традиционность самой идеи стихотворного «памятника» сочетается с новаторством ее презентирования: вместо проспективной манифестации субъективной славы, лирическое «я» предпочитает увековечить объективные заслуги и непреходящую историческую роль предводителей народного ополчения, возглавивших борьбу против польских интервентов в начале XVII века и оказавших тем самым судьбоносное значение для России. (Приходит на память подобный «объективный» стихотворный «Памятник» К.К. Случевского, написанный также во второй половине XIX века). В то же время обращает на себя внимание факт того, что сочинение «памятника», судя по всему, подготовлено, как и в случае стихотворного «воспоминания», жанровым прецедентом (произведением, близким по жанру и предшествующим в стихотворной книге), к которому оно примыкает тематически и модально. Это экфрастическая эпиграмма «Передъ памятникомъ Пушкина», в которой сознание лирического «я» полностью захвачено визуальным восприятием памятника поэту. В свою очередь данное стихотворение расположено в книге после другого экфрастического «Мысли при видѣ храма Христа Спасителя», выражающего восторженное отношение к мнемоническому замыслу архитектурного шедевра в стилистически близких стихотворному «памятнику» сочетаниях:

Великолѣпное созданье,
Идея царственныхъ умовъ!
Воздвигнуть ты въ напoминанье
Борьбы гигантской со врагомъ [9, 47].

Примечательно, что указанная стратегия сохранена и далее в книге стихов. В композиционной близости представлены поминальные жанровые произведения: «Памяти Меньшикова» и «Памяти Надсона», которое из поминального трансформируется в торжественно-хвалебное стихотворение гимнического типа, обращенное, к тому же, к собирательному образу поэта. Изменение программной жанровой установки влечет отсутствие жанрового маркера для каждого из произведений – реминисценций, связанных с примечательными творческими чертами и биографиями покойных общественно-политических и литературных деятелей. Кроме того, синкретизм гимна и стихотворения «Памяти...» разрешается в заключительных стихах – нельзя сказать, что в данных

обстоятельства объединяющим, но вполне необычным для обоих жанров – авторским скепсисом:

Жертвы невѣждъ, вѣроломства,
Притчей вы были для нихъ;
Гимны *поетъ* вамъ *потомство*;
Слышите – ль только вы ихъ? [9, 54].

В целом в мнемонической поэзии Назарова, судя по представленным жанрам, обнаруживаются две противоречивые (даже – взаимоисключающие) черты: мироощущение лирического «я», опирающееся на твердое основание предшественников, проникнуто бесприютностью и мучительным одиночеством существования. Сосредоточение большого внимания на теме памяти неизбежно оставляет отпечаток на части поэтического творчества автора, способствует развитию серийно-образной организации произведений – доминанты, лежащей в основании указанных объединений жанров (цикл, сверхтекст), тонирующей мнемоническую рефлексию, усиливающую воздействие, в том числе, на слушателей.

Таким образом, жанросозидающая роль памяти, претворяющаяся преимущественно в формы мнемонической поэзии в творчестве Е.И. Назарова, придает ей разностороннюю оригинальность, сочетающую традиции и новаторство. При всей кажущейся стилистической и художественной простоте мнемонической лирике малоизвестного елецкого поэта присущи следующие характеристики. Она консервативна и четко следует сложившимся жанровым прецедентным образцам. Образно-стилистическая система, простонародный настрой роднит ее с представителями «крестьянского» направления в литературе XIX века – Суриковым, Никитиным. В мнемонической лирике Назарова задается та связь образной системы локальной поэзии Ельца (многочисленные православные, культурные и воинские мотивы), в которой прослеживается ее причастность к культурно-историческому коду России [12, 309]. При этом лирическое творчество поэта, рассматриваемое с позиции мнемонических жанров, не лишено очевидных новаторских черт. Их наличие обусловлено тенденцией к цикличности близкорасположенных моножанровых стихотворений с темой памяти, составляющих жанровый ряд. Явление это (конечно, при осознанном его представлении со стороны автора) можно назвать *квазициклом*, так как оно представляет собой еще не состоявшееся, а находящееся только в стадии становления подобие циклического образования, в основе которого, как и в полноценно осуществленном цикле, лежит «определенное жанровое содержание» [14, 2], объединяющее произведения в единое художественное целое. И такое тяготение Назарова к циклическому мировосприятию, высвечивающему значимый спектр бытия, отнюдь не случайно, а напротив, закономерно и вполне объяснимо. Оно вписывается в литературный процесс и происходящие внутри него изменения, если учитывать, что предпосылки создания лирического цикла «как особого жанрового образования» [14, 12] возникли еще в первой трети XIX, а его окончательное оформление приходится на вторую половину позапрошлого столетия – время творчества поэта.

И в этой связи можно сделать следующее предположение. Ориентация на следование классической жанровой традиции, служение ее идеалам, захваченность ностальгией по прошлому, с одной стороны, с другой же, использование тенденциозных явлений (к примеру, стремление к циклизации), – все это говорит о переходном свойстве поэзии Назарова, возможной принадлежности ее к эпохе так называемого «поэтического безвременья», которое фактически приходится на последнюю треть XIX века. Для убедительности сошлемся на исследователя поэзии этого периода. «Творчество поэтов этого времени в целом – воспоминания, ретроспекция, любовное и бережное перебирание накопленных за целый век поэтических ценностей... Вся поэзия в целом осуществляет собой миссию "перехода"... Бессилие, уныние, растерянность, раздробленность, хаотичность – основные черты жизненной и поэтической атмосферы. Ее определяет

ощущение того, что старый уклад жизни разрушен... а нового не создано» [3, 59]. Все это, по мнению Е.В. Ермиловой, «и составило основную стилевую черту поэзии "безвременья"» [3, 59].

1. Афанасьев В.Н. Поэт-самоучка: по поводу стихотворений Е.И. Назарова // Литературное наследство. Т. 84: в 2 кн. Кн.1. Иван Бунин / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М., 1973. С. 290–296.
2. Бердяев Н. Я и мир объектов. Опыт философского одиночества и общения // Бердяев Н. Дух и реальность. М., 2011. С. 5–138.
3. Ермилова Е.В. Поэзия на рубеже двух веков // Смена литературных стилей: На материале русской литературы XIX–XX веков / под ред. В.В. Кожина [и др]. М., 1974. С. 58–121.
4. Зырянов О.В. «Река времен...» как сверткостекстовое образование в русской поэзии XIX – XX вв. // Уральский филологический вестник. 2015. № 3. С. 87–100.
5. Зырянов О.В. Феноменология ситуационных «сверткостекстов» в лирике: к постановке вопроса // Диалоги классиков – диалоги с классикой: Сб. статей. Екатеринбург, 2014. С. 13–40.
6. Иванов Вяч. И. Заветы символизма // Иванов Вяч. И. Собр. соч.: в 4 т. Брюссель, 1974. Т. 2.
7. Лейдерман Н.Л. Теория жанра: научное издание / Ин-т филол. исслед. и образоват. стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010.
8. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994.
9. Назаров Е.И. Собрание стихотворений. 93 с. URL: <https://opac.lib48.ru/images/books/nazarov-stihi-30444/HTML/6/> (дата обращения: 15.10.2025).
10. Никитин И.С. Стихотворения. Дневник семинариста. Воронеж, 1985.
11. Русская поэзия XIX века: в 2 т. // Библиотека всемирной литературы. Том 106. М., 1974. Т. 2.
12. Трубицина Н.А. Культурно-исторический код в поэзии Ельца // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 298–312.
13. Фёдоров В.В. Проблемы поэтического бытия: сборник работ по фундаментальной проблематике современной филологии. СПб., 2021.
14. Фоменко И.В. Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.
15. Штайн К.Э. Язык. Поэзия. Гармония: монография. Ставрополь, 1989.

Информация об авторе

Сергей Викторович Жилияков,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Старооскольский филиал)
(Старый Оскол, Россия).
309502, Россия, Белгородская область,
Старый Оскол, м-он. Солнечный, 18.
Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента.
Научные интересы: поэтика текста, жанрология.
ORCID ID: 0000-0002-5875-4134
SPIN-код: 3870-2294, AuthorID: 980565
E-mail: szhil@list.ru

Поступила в редакцию 17.11.2025;
одобрена после рецензирования 01.12.2025;
принята к публикации 01.12.2025;
опубликована 18.12.2025.

Information about the author

Sergey V. Zhilyakov,
Belgorod State National Research University
(Stary Oskol branch)
(Stary Oskol, Russia).
309502, Belgorod Region,
Stary Oskol, Solnechny micr., 18.
Candidate of Sciences in Philology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Management.
Research interests: poetics of text, genre studies.
ORCID ID: 0000-0002-5875-4134
SPIN-code: 3870-2294, AuthorID: 980565
E-mail: szhil@list.ru

The article was submitted 17.11.2025;
approved after reviewing 01.12.2025;
accepted for publication 01.12.2025;
published 18.12.2025.

Ссылка для цитирования: Жилияков, С.В. Традиция и новаторство жанрового воплощения мнемонической поэзии в творчестве Е.И. Назарова // *Philologos*. 2025. № 4 (67). С. 56–63. DOI: 10.24888/2079-2638-2025-67-4-56-63.

For citation: Zhilyakov, S.V. Tradition and innovation of genre embodiment of mnemonic poetry in the works of E.I. Nazarov // *Philologos*. 2025. No. 4 (67). Pp. 56–63. DOI: 10.24888/2079-2638-2025-67-4-56-63.

Права: © С.В. Жилияков (2025). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY-NC 4.0).